

Министерство просвещения Российской Федерации
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Уральский государственный педагогический университет»
Институт иностранных языков
Кафедра профессионально-ориентированного
языкового образования

С.М. Тиллоева

**ПОНЯТИЙНЫЙ АСПЕКТ СТРУКТУРЫ
СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ**

Монография

Екатеринбург 2020

УДК 811.222.1'37:811.161.1'37
ББК Ш105.31+Ш104
Т40

Рекомендовано Ученым советом федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Уральский государственный педагогический университет» в качестве *научного* издания (Решение № 72 от 24.11.2020)

Научный редактор: ведущий научный сотрудник, кандидат филологических наук С. Д. Холматова (отдел словарей Института языка и литературы им. А. Рудаки Академии наук Республики Таджикистан)

Рецензент:

Е. В. Чусовитина, доцент кафедры иностранных языков (Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина)

Тиллоева, С. М.

Т40 Понятийный аспект структуры семантического поля : монография / С. М. Тиллоева ; Уральский государственный педагогический университет. – Электрон. дан. – Екатеринбург : [б. и.] 2020. – 1 CD-ROM. – Текст : электронный.

ISBN 978-5-7186-1724-5

В работе демонстрируется, что поле в современной лингвистике воспринимается как некая структурно-семантическая категория, имеющая свойство инвариантности, объединяющая наиболее крупные семантически связанные части общей системы языка и подразделяющаяся на частные объединения, раскрывающие иерархические отношения между составляющими его более меньшими объединениями.

УДК 811.222.1'37:811.161.1'37
ББК Ш105.31+Ш104

ISBN 978-5-7186-1724-5

© Тиллоева С. М., 2020
© ФГБОУ ВО «УрГПУ», 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	4
Глава 1. Состав и структура семантических полей в системе разноструктурных языков.....	5
1.1. Логическая структура семантического поля.....	5
1.2. Свойства семантического поля.....	38
Заключение.....	49
Список литературы.....	50

ПРЕДИСЛОВИЕ

По мере формирования представлений о лексико-семантической системе языка все большее распространение в лексикологии получают формальные методы, основанные на изучение объекта с помощью приемов, наиболее адекватно отражающих его структурные свойства. В числе этих структурных методов – метод оппозиции, логические операции, субституция и коммутация, комбинаторика, дистрибуция, семантические деревья, трансформации и др.

К ним по праву должен быть отнесен и метод поля, хотя оценки его эффективности могут колебаться очень сильно.

Какое же место занимает метод поля в структурно-семантических исследованиях? Здесь можно наметить две крайние тенденции. В ряде работ происходит неправомерное, на наш взгляд, сужение объема термина «структурная семантика» таким образом, что метод поля оказывается почти его синонимом.

Для других работ характерна противоположная тенденция – к чрезмерному расширению самого понятия поля и сферы применимости «полевого» метода, что в итоге приводит к тому же результату – приравниванию структурной семантики к теории поля.

Понятие «поле» в языкознании возникло как интуитивное отражение структурно-функционального подхода к явлениям языка, который неотделим от анализа групп и который, однако, на разных этапах рассматривался то как системный, то как просто групповой.

С точки зрения структурно-функционального подхода, любая группа или совокупность элементов, независимо от принципов, лежащих в основе ее объединения, обладает определенной структурой, конфигурацией, типологией и функциями.

ГЛАВА 1. СОСТАВ И СТРУКТУРА СЕМАНТИЧЕСКИХ ПОЛЕЙ В СИСТЕМЕ РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКОВ

1.1. Логическая структура семантического поля

Изучение семантики слова является одним из основных направлений анализа плана содержания лексических единиц в современном языкознании. Определяющим в изучении содержательной стороны слова в современной лингвистике стало учение Ф. де Соссюра о языке как системе языковых знаков и ценности лингвистических единиц.

Понятие ценности, по Ф. де Соссюру, тесно связано с определением взаимосвязи и взаимообусловленности единиц языка, без установления которой невозможно правильное и объективное раскрытие их сущности [1].

Представление о ценности языкового знака потребовало описания языковых фактов не в изоляции друг от друга, а путем установления соотношения между единицами с учетом их места в системе. Изучение конкретных типов соотнесенности языковых единиц одного и того же уровня в языковой системе в современной лингвистике основывается на двух основных типах отношений: синтагматических и парадигматических, которые впервые были четко разграничены Ф. де Соссюром. Им было установлено, что, с одной стороны, слова в речи, соединяясь друг с другом, вступают между собой в отношения, основанные на линейном характере, которые исключают возможность произнесения элементов одновременно. Эти элементы выстраиваются один за другим в потоке речи [1, с. 155]. Такие сочетания элементов Ф. де Соссюр называет синтагмами, а отношения между их компонентами – синтагматическими.

Компонент синтагмы получает значимость лишь в меру своего противопоставления тому, что ему предшествует, либо тому, что за ним следует, или же тому и другому вместе. Эти отношения имеют совершенно иной характер. Эти отношения Ф. де Соссюр называет ассоциативными (парадигматическими в современной терминологии) [1, с. 155-156].

Идея Ф. де Соссюра о ценности языкового знака в системе отношений между языковыми единицами нашла конкретное воплощение в различных направлениях представления и осмысления семантической структуры слова и практического воплощения системного семантического анализа в современной лингвистике.

Основы современных направлений семантических исследований были разработаны Л. Ельмслевым, Й. Триром, Л. Вейсгербером, Ст. Ульманом и их последователями.

В современной лексикологии с учетом новых идей и методов продолжает изучаться вопрос о природе лексического значения, типах значений, системных семантических связях слов и др. Созданы обобщающие исследования по важнейшим проблемам семасиологии.

Наиболее известным в современных семантических исследованиях методом изучения системных отношений является так называемый полевой подход, сущность которого заключается в выделении семантических, а также структурно-семантических классов слов.

Под понятием «поле» обычно подразумевается совокупность слов, объединенных общностью содержания и отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство [4].

Понятие поля в современной лингвистике воспринимается как некая структурно-семантическая категория, имеющая свойство инвариантности, объединяющая наиболее крупные семантически связанные части общей системы языка и подразделяющаяся на частные объединения, раскрывающие иерархические отношения между составляющими его более меньшими объеди-

нениями. Исходя из этого, семантические поля подразделяются на различные структурно-семантические объединения, связанные частными семантическими признаками. В лингвистической литературе они называются тематическими группами (ряд, поля), лексико-семантическими группами и т. д. Исходным пунктом исследований тематических групп является тот факт, что в лексике каждого языка существуют ряды слов, более или менее близко совпадающие по своему основному (стержневому) семантическому содержанию [5].

На этой основе, в частности, такие группы слов, как термины родства, названия животных и растений, обуви и одежды, многочисленные разряды прилагательных и наречий, особенно различные лексико-семантические группы глаголов получили свое описание в работах В. П. Абрамова, А. В. Бондарко, Л. М. Васильева, З. Н. Вердиевой, Ф. А. Литвина, Ф. П. Филина.

Однако следует отметить, что, несмотря на широкое применение метода полевого анализа в системном представлении и изучении лексики, в лингвистических исследованиях указывают на существенные недостатки, которым обладает данный метод [6, с. 12]. Прежде всего, указывается на неоднородность и существенные различия в получаемых результатах при применении данного метода разными исследователями. В зависимости от того, что понимается под общим значением (содержанием), объединяющим лексические единицы в структурно-семантические поля, классы и группы, в различных исследованиях получаются разные результаты системных отношений, составляющих семантические объединения компонентов. В качестве доказательства можно сравнить результаты наиболее известных исследователей, в которых семантическая общность элементов поля соотносится с обозначаемым или общим понятием [7] или с наличием в их семантике общего семантического признака [9], с характером отражения явления объективной действительности [10], со сходством или прямой противоположностью по основ-

ному значению [11] и др. Как отмечается в исследованиях, семантические объединения и группировки, выявляемые учеными как признак системной организации лексики, во многом неравноценны и даже несопоставимы [12].

Основным в изучении системности лексики становится характер соотношения языковых и неязыковых явлений, при котором «семантика оказывается подчиненной, не связанной с ее собственным предметом, целями и задачами» [12, с. 67]. Поэтому одним из основных недостатков, приписываемых лингвистами, особенно теми, которые критически относятся к наличию системности в лексике и, в частности, к критериям выделения поля, является отсутствие чисто лингвистической основы членения лексики на поля. Исследователи лексических полей обвиняются в том, что основой выделения полей ими выбираются не конкретные лингвистические признаки слов, а их внешняя соотношенность с объективной действительностью, а система при этом основывается не на лингвистической природе слов и их лексическом значении, семантике, а на связях и отношениях в материальном мире [13].

Для многих современных лингвистических школ характерно понимание семантики как особого компонента полного описания языка, которое в свою очередь мыслится как формальное устройство, моделирующее языковое поведение людей. Чтобы составить себе представление о модели языка в целом и об ее семантическом компоненте в особенности, необходимо уяснить, из каких умений складывается тот феномен, который называется «языковое поведение», «владение языком».

Проблема группировки лексических единиц является одной из сложных в числе других лингвистических проблем. Многие тенденции современной лингвистики так или иначе связаны с явлением семантического поля, которое, несмотря на давнюю традицию своего описания, продолжает активно исследоваться и в настоящее время, что вполне объяснимо его значимостью

для изучения семантики в целом, так как «законы семантики выявляются не в отдельных словах, а в группах и системах слов, в „полях слов“» [24, с. 439].

Изучение разного рода полей, начатое в 20-30-е годы XX века в зарубежной лингвистике, до сих пор остается актуальным и важным. В современной лингвистике выявлены и изучены достаточно полно и глубоко различные типы полей. Об этом свидетельствуют научные труды многих российских ученых (Ю. Д. Апресян, Л. Г. Бабенко, А. В. Бондарко, В. Г. Гак, А. А. Залевская, Ю. Н. Караулов, И. М. Кобозева, А. М. Кузнецов, З. Д. Попова, Ю. С. Степанов, И. А. Стернин, А. А. Уфимцева, Г. С. Щур и др.).

Здесь важно отметить, что попытка расклассифицировать группы слов на «семантические поля», «тематические группы» была также предпринята создателями средневековых арабско-персидских словарей. Рассматривая рубрики средневековых арабско-персидских тематических словарей, в частности «Мукаддимат ал-адаб» Замахшари, составившего помимо этого двуязычного словаря обширный комментарий к Корану, мы встретились с исследованием, указывающим на непосредственную связь одной рубрики словаря Замахшари с рубрикой словаря среднеперсидского языка «Фраханг и пахлавик» [25] и зороастрийской «Книгой бытия» – «Бундахишн». Речь идет, условно говоря, о «плодах», «фруктах» или «орехах и фруктах». Они делятся в указанных источниках на те, у которых едят только наружное (вишни, персики), и те, у которых едят то, что внутри (арбузы, грецкие орехи и т. п.). В словаре Замахшари слова арабского и персидского языков расположены по тематическим главам, причем внешне, по методике это расположение не отличается от, скажем, словаря Ф. Д. Дорнзейфа, только что словарь Замахшари двуязычный. Такие же априорные рубрики, которым подчинен материал [25, с. 89].

Сопоставление рубрик пехлевийского «Фраханг и пахлавик» и арабского в основе (с двойным переводом) словаря «Мукаддимат ал-адаб» аз-Замахшари показывает удивительные совпадения наименований и «пределов» групп слов, входящих в рубрики, при различиях в их порядке. Объясняется это прочной традицией выделения «групп слов», сложившейся в истоке на основе иероглифической письменности (детерминативы обозначали родовые группы), в глубокой древности. Одновременно можно отметить и начало распада общей системы у аз-Замахшари, весьма логичной в «Фраханг и пахлавик», где она основана на учении и традиции зороастрийской религии. Так, например, первая рубрика «Фраханг и пахлавик» озаглавлена (в переводе Юнкера) «О божественных сущих (язата) и о небесных телах» и охватывает светлый горный мир *менок*. Вторая рубрика – «О земном мире, земле, местностях» – должна охватывать зороастрийский мир *гетик* (перс. *giti*). У аз-Замахшари вторая рубрика словаря – «О небе и небесных телах» – и третья – «О земле и всем, что к ней относится» – не связаны, очевидно, определенными теологическими концепциями. Первой главой в «Мукаддимат ал-адаб» стала глава «О делении времени» (куда вошли слова «век», «день», «ночь», «весна», «лето», но и *дунья* – «этот мир» – мир как время земной жизни). «Фраханги пахлавик» отводит для этих слов главы 27 («О делении времени») и 28 («О днях и месяцах»), уделяя особое внимание зороастрийскому календарю с его системой святых покровителей дней и месяцев. Подробное сопоставление рубрик ряда средневековых арабоязычных и персоязычных словарей с «Фраханг и пахлавик» могло бы стать темой отдельного исследования.

В современной лингвистике изучаются как отдельные типы языковых полей (функционально-семантических, словообразовательных, деривационно-семантических, лексико-грамматических, ассоциативных, метафорических, синтаксических и др.), так и полевой характер языка в целом. Общий полевой принцип орга-

низации языковой системы становится методом анализа языковых явлений и категорий. Изучаются различные онтологические и гносеологические проблемы семантического поля как системного образования, в частности проблема лингвистической сущности поля, выделения семантического поля, отличия полей разных типов от других лексических группировок.

Для нашего исследования наиболее важными представляются следующие положения: 1) при употреблении единицы языка в сознании для его понимания активизируются его другие единицы: слово, например, понимается в контексте семантического окружения; 2) семантическое поле полностью воспроизводит понятийную картину данной языковой общности; 3) поле обеспечивает непрерывность семантического пространства; 4) природа связей между единицами поля различна; 5) состав и структура полей в разных языках имеют свою специфику [26, с. 23]. В этих положениях содержатся предпосылки для использования семантического поля с целью проникновения в концептуальную картину мира и выявления ее национально-культурной специфики. Однако, на наш взгляд, следует более подробно рассмотреть три важнейшие характеристики поля, которые указывают на возможность использования поля не только в качестве объекта теоретического изучения, но и метода исследования, а именно:

- универсальный характер полевой организации единиц;
- психологическую реальность этого способа организации;
- голографичность структуры поля (то есть способность проявлять все свои свойства на любом ограниченном участке, по мнению Ю.Н. Караулова, обладать свойствами всего множества [27, с. 67]).

Многими исследователями отмечается плодотворность полевой модели, поскольку она представляет систему языка как «непрерывную совокупность полей» [28], при этом особо указывается на системную организацию полей разных типов

(М. М. Покровский, Е. И. Шендельс). Тем самым семантическое поле одновременно предстает элементом системы языка и само является разноуровневой системой.

Семантическое поле как система сформировалось не сразу, поэтому на каких-то этапах его эволюции решение семасиологических задач было невозможно. Семантическое поле прошло путь от трировских концептуальных полей до современных полей разного типа.

Важной проблемой при исследовании семантического поля является определение его лингвистического статуса, его места среди других парадигматических группировок лексики. Это касается, прежде всего, соотношения между семантическим полем и лексико-семантической группой. Часто эти понятия отождествляются. Причину их неразличения Д. Н. Шмелев видит в том, что «группы слов, выделяемые на основании предметно-логической общности, во многих случаях характеризуются и некоторыми общими для них собственно языковыми признаками» [29]. Однако ряд исследователей придерживаются мнения, что эти лексические объединения следует разграничивать, поскольку они отличаются по своей природе, характеру связи своих единиц, а также по частеречной принадлежности элементов. Так, лексико-семантическая группа представляет собой языковую парадигму, тогда как семантическое поле выступает как система взаимосвязанных лексических множеств разного ранга, совокупность парадигм. В отличие от лексико-семантической группы, являющейся общностью внутриязыковых отношений на базе определенного семантического компонента лексического значения, семантическое поле отражает общность внеязыковых связей и отношений. Лексико-семантическая группа объединяет слова одной части речи, а в семантическое поле включены слова разных частей речи [30, с. 18-29]. Иначе говоря, семантическое поле объединяет слова, имеющие общие семантические признаки и связанные общностью отображаемого понятия.

Здесь, на наш взгляд, уместно дать определение лексико-семантической системы в современном ее понимании, которое для русского языкознания можно считать общепринятым. К лексико-семантической системе относится вся область смысловых отношений лексических единиц, своеобразий типов их группировок и характер взаимодействия их друг с другом (лексическая парадигматика) и с элементами других подсистем языка, условия и формы языкового выражения результатов семантического варьирования словесных знаков (лексическая синтагматика) [31, с. 78].

Теория поля отражает иное, чем изложенное выше, понимание лексико-семантической системы, понимание, в котором преобладающая роль отводится связи языка с действительностью, соотносённости его с внеязыковой реальностью. Другая сторона этой связи – отношение языка и сознания – представлена в данной теории довольно неотчетливо, через полумистическое и туманное понятие «промежуточного мира» [32, с. 86].

Учитывая многочисленные исследования проблемы семантического поля и разнообразные подходы к его изучению, можно выделить различные определения этого понятия. В лингвистической литературе наиболее употребительными являются следующие определения.

Особенно важные мысли были высказаны в статье Р. Мейера «Семантические системы», получившей позднее высокую оценку Г. Кронассера [33, с. 99-103].

Р. Мейер выделяет три типа семантических полей: 1) естественные (названия деревьев, животных, частей тела, чувственных восприятий и др.), 2) искусственные (названия воинских чинов, составные части механизмов) и 3) полуискусственные (терминология охотников или рыбаков). Семантический класс (Bedeutungs system) он определяет как «упорядоченность (Zusammenordnung) определенного числа выражений с той или иной точки зрения» [34, с. 89], то есть с точки зрения какого-

либо одного семантического признака, который автор называет дифференцирующим фактором [35, с. 109]. Дифференцирующие факторы, по мнению Р. Мейера, имеют не логический, а языковой характер, и поэтому должны извлекаться из самого языка [36, с. 160].

Поскольку в одном слове часто содержится несколько «дифференцирующих факторов» (компонентов значения) и поскольку такие слова принадлежат одновременно к разным системам (семантическим классам), эти системы могут пересекаться друг с другом. Задача семасиологии, по мнению Р. Мейера, и состоит именно в том, чтобы, во-первых, «установить принадлежность каждого слова к той или иной системе (или системам) и чтобы, во-вторых, выявить системообразующий, дифференцирующий фактор этой системы» [37, с. 167]. В современной семантике такой анализ называется, как известно, компонентным.

Высказывания ученых XIX – первой четверти XX века о системном характере словаря имели глубокий смысл и стимулировали тем самым дальнейшие исследования в этой области, но они не представляли собой цельной теории. Поэтому основоположником такой теории по праву считается известный немецкий ученый Й. Трир, который в ряде своих трудов [38, с. 23] разработал не только новые принципы системного анализа лексики, но и применил их в исследовании обширного фактического материала (на материале памятников древне- и средневерхненемецкого языка).

Й. Трир определял развитое им понятие поля весьма скромно: «Языковые поля – это языковые реальности, которые занимают положение между единичными словами и совокупностью словаря. Они являются частью целого и сходны со словами в том, что вступают в сочетания, образуя единицы более высокого уровня, а также сходны со словарем в том, что могут быть разложены на меньшие единицы» [39, с. 42]. Уже послесосюровская попытка уточнить дефиницию Й. Трира звучит так:

«Семантическое поле – это тесно связанная и ясно выраженная лексическая сфера, где значение каждой единицы определено соседними с ней, причем их семантические области взаимно ограничивают одна другую, деля и покрывая все пространства между ними» [40].

Концепция словесных полей Л. Вейсгербера по своим теоретическим установкам очень близка к концепции Й. Трира. Как и Й. Трир, он считает значение слова не самостоятельной единицей, не автономной (хотя бы относительно) составной частью поля, а его чисто реляционным структурным компонентом. «Словесное поле живет как целое, – пишет он, – поэтому, чтобы понять значение отдельного его компонента, надо представить все поле и найти в его структуре место этого компонента» [41, с. 185]. Некоторые значения поля, по мнению Л. Вейсгербера, не имеют даже соответствий в самой реальной действительности. На взгляд Л. Вейсгербера, все это свидетельствует о том, что семантическое членение языковой системы определяется не реальными отношениями в объективной действительности, а теми принципами (ср. дифференцирующие факторы Р. Мейра), которые заложены в самом языке, в его семантической структуре, отождествляемой автором с системой понятий.

Таким образом, Л. Вейсгербер определяет языковое поле как часть языкового промежуточного мира, строящегося на основе единства органически связанных, взаимодействующих групп языковых знаков [41]. Пытаясь конструировать поле (он изучал поля цветообозначений), ученый исходит из основного слова, исследует дифференциальные признаки значений слов в поле, закладывая тем самым основы компонентного анализа.

Следовательно, словесное поле в понимании Й. Трира, Л. Вейсгербера вовсе не является закрепленным в языке феноменом, который будто бы играет решающую роль в определении значения слов. Точное содержание слова, как известно, определяется только его взаимосвязями с другими словами. Са-

мо же словесное поле – это, безусловно, полезное научное понятие, имеющее вспомогательную ценность, с помощью которого мы размышляем о нашем языке с целью постичь его свойства и возможности, а также восстановить языковое содержание прошедших эпох.

Особо следует отметить позицию Г. С. Щура, который строит свою теорию поля на функциональной и инвариантной группировке элементов языка и допускает сознательное комбинирование этих принципов [43, с. 67]. В то же время Г. С. Щур требует разграничения различных типов функций и разных типов инвариантности в языке. В силу этого принцип инвариантности в той его части, где речь идет о группировках элементов на основании общих свойств, параметров, дифференциальных принципов, – отнюдь не то же самое, что интегральный принцип, поскольку инвариантность предполагает наличие общих материальных элементов, а интегральный принцип отражает лишь факт объединения элементов, в основе которого могут лежать как общность свойств (принцип инвариантности), так и общность функций, коммуникативных или структурных (функциональный принцип), а также ассоциативный принцип.

О. Духачек интерпретирует лингвистическое поле как совокупность слов, которые, будучи связанными друг с другом определенными взаимоотношениями, образуют иерархическое единство [43, с. 78].

Г. Ипсен и В. Порциг продолжают изучение лингвистических полей. В. Порциг серьезное внимание уделяет анализу лингвистических связей, которые являются неотъемлемым признаком системы. Он исследует связи внутри лексико-синтаксических, лексико-грамматических и лексико-семантических групп.

Говоря о системном характере словаря, необходимо остановиться на весьма интересной работе Р. Халлига и В. Вартбурга «Система понятий как основа лексикографии» [45]. Главная цель работы Р. Халлига и В. Вартбурга – выявить, как носители

языка членят смысловой континуум, находящий отражение в лексике языка. По мнению Р. Халлига и В. Вартбурга, каждое слово имеет общее значение, которое при употреблении слова реализуется в окказиональных значениях. Помимо этого, в процессе функционирования слова как коммуникативной единицы из его значения вычленяется некое ядро, постоянное для всех употреблений. Этим ядром является логическое понятие. Понятия, будучи «связанными, но не слитыми» со словами, живут относительно самостоятельной жизнью, что обуславливает возможность их отдельной от слов классификации. Смысловой континуум, согласно мнению авторов, включает в себя три основных понятийных класса: а) Вселенная (без человека); б) Человек; в) Человек и Вселенная. Далее классы разбиваются на подклассы, подклассы на группы, а те – на подгруппы, с которыми соотносятся серии соответствующих слов.

Р. Халлиг и В. Вартбург, составляя свою широко известную «систему языковых понятий», претендовали на то, что их схема является основой для представления лексики как общей структуры независимо от языка, к которому лексика относится. Они полагали: их схема может быть органично перенесена на иные культурные ареалы и эпохи, может быть приложена к языкам далеких исторических периодов. Однако Е. Э. Бертельс, исследуя разделы словаря, семантические поля, тематические группы слов в языке персидских средневековых текстов X-XV веков, указывает на неуниверсальность схем Р. Халлига и В. Вартбурга. В частности, Е. Э. Бертельс прикладывает отдельные рубрики схемы Р. Халлига и В. Вартбурга к языку арабских и персидских памятников X-XIV веков, сопоставляя эти рубрики с рубриками тематических и энциклопедических словарей той эпохи. В разделе схемы Р. Халлига и В. Вартбурга «Вселенная» есть подраздел «Земля», в котором выделены рубрики: 1. Рельеф. 2. Вода. 3. Почва и ее строение. 4. Минералы. 5. Металлы.

Прежде всего, отмечает Е. Э. Бертельс, по арабской и персидской классификации «Вода» и «Металлы» попадают в совсем различные подразделы. «Вода» в этой классификации – один из четырех первоэлементов, «стихий», лежащих в основе чувственно воспринимаемого мира, а «Металл», как особый раздел, в ней вообще отсутствует [46, с. 45]. Нет сомнения в том, продолжает автор, что при рассмотрении проблемы соотношения общезыковой и специальной лексики и систем значений слов культурно-исторические факты должны привлекаться лишь в той мере, в какой они необходимы для понимания этапов исторического становления слова и его функционирования в определенную эпоху. Весьма важно при этом не отождествлять язык и культуру и правильно понимать соотношение между ними [47, с. 56]. «Когда ставится задача объединить в рамках единой теории данные языки и данные культуры, то нельзя переносить языковую модель на предметную область культуры и, напротив, модель культуры на предметную область языка» [48].

Таковы общие теоретические предпосылки изучения и определения разделов словаря, его рубрик, групп слов в разных языках в различные исторические периоды. Если тесная связь «ближайших» и «дальнейших» значений слов не подвержена сомнению, если все системы и процессы метафорических переносов значений слов должны рассматриваться во всей их сложности, то для понимания формирования разделов словаря в каждом данном языке, в каждую эпоху надо знать общие очертания знаний эпохи о предметах, обозначаемых словами, входящими в разделы [49, с. 108].

Несмотря на разнообразие точек зрения по частным вопросам, наметилось два основных пути в разработке семантических полей. Одни ученые (Л. Вейсгербер, К. Ройнинг и др.) изучали парадигматические отношения между лексическими единицами языка, то есть парадигматические поля (к ним можно отнести и поля Й. Трира), другие (например, В. Порциг) – син-

тагматические отношения, то есть синтагматические поля. Были и такие ученые, которые изучали классы слов, связанных и парадигматическими, и синтагматическими отношениями, то есть комбинированные (или комплексные) поля.

Из русских лингвистов, занимающихся теорией поля, следует, прежде всего, назвать Ф. П. Филина, А. В. Бондарко, А. И. Кузнецова, хотя на необходимость системного подхода при семасиологических исследованиях указывал еще М. М. Покровский [11]. Подчеркивая системный характер языка, В. И. Кодухов отмечает целостность системы и взаимообусловленность ее элементов: «Системный характер его (языка) проявляется в том, что различные языковые явления взаимно связаны друг с другом, функционируют как единое целое» [50, с. 10].

Ф. П. Филин, исследуя лексико-семантическую группу как разновидность семантического поля, искал критерии ее выделения среди других совокупностей слов. Различие между тематическими и лексико-семантическими группами Ф. П. Филин видит в том, что тематические группы основаны на классификации «самих предметов и явлений», а лексико-семантические группы «представляют собой объединение двух, нескольких или многих слов по их лексическим значениям» [51, с. 36]. Лексико-семантическая группа с ее разновидностями (синонимическими рядами, антонимами, гиперо-гипонимическими гнездами) является разновидностью парадигматических полей. Кроме лексико-семантических групп к парадигматическим полям Л. М. Васильева относит словообразовательные парадигмы, семантемы (так он условно называет комплексы связанных друг с другом значений полисемантического слова), части речи и их грамматические категории. Исследователь дает очень четкое определение парадигматического семантического поля: «...термином лексико-семантическая группа можно обозначать любой семантический класс слов (лексем), объединенных хотя бы одной общей лекси-

ческой парадигматической семьей (или хотя бы одним общим семантическим множителем)» [52, с. 105-113].

А. И. Кузнецова называет семантический класс слов, объединенных в одно целое отношениями рода – вида или части – целого, лексическими или лексико-семантическими полями [53, с. 259].

А. В. Бондарко относит к функционально-семантическому полю двухстороннее (содержательно-формальное) единство, формируемое грамматическими (морфологическими и синтаксическими) средствами данного языка вместе с взаимодействующими с ними лексическими, лексико-грамматическими и словообразовательными элементами, относящимися к той же семантической зоне [54, с. 20].

Как видно из вышеперечисленных определений, лингвисты исследуют различные явления языка, отсюда и различные толкования полей.

Одним из важнейших признаков языкового поля является его специфическая структурная организация, которая определяется разграничением ядерной и периферийной зон. Истоки структуралистского течения восходят к учению Ф. де Соссюра. Структура предполагает взаимообусловленность компонентов системы. Э. Бенвенист отмечает: «... трактовать язык как систему – значит анализировать его структуру. Поскольку каждая система состоит из единиц, взаимно обуславливающих друг друга, она отличается от других систем внутренними отношениями между этими единицами, что и составляет ее структуру» [55].

А. А. Уфимцева характерным признаком лексико-семантической структуры считает смысловые связи слова на трех уровнях: 1) внутрисловные смысловые связи (связи на уровне отдельного слова); 2) межсловные связи в микросистемах (смысловые связи на уровне рядов и групп слов); 3) смысловые связи на уровне всей системы (лексико-грамматическая омонимия на уровне частей речи, лексическая полисемия раз-

личных структурно-семантических групп глаголов). При исследовании семантического поля интерес представляют прежде всего внутрисловные и межсловные связи. Межсловные связи в микросистемах (в семантических полях разного объема) четко определены и не вызывают сомнений, а лингвистическая разработка внутрисловных связей до сих пор не дает ответов на все вопросы. Структура слова – явление, исторически изменяющееся, а потому чрезвычайно сложное. Анализ структуры слова показывает, что ей «присуща иерархическая соподчиненность элементов» [56].

Под семантической структурой слова мы понимаем фрагмент семантической структуры поля диахронического типа, исторически созданный, тщательно отобранный языком для данного хронологического периода, представляющий собой иерархически организованную систему сем. Говоря о семантической структуре слова, мы говорим о структуре его внутренней формы. Следует разграничивать семантическую структуру однозначного и многозначного слов. В семантической структуре однозначного слова прежде всего выделим денотативный и коннотативный компоненты. Отметим, что денотативный компонент является неперменным в семантической структуре слова, в то время как коннотативный компонент не является обязательным.

Семантическая структура многозначного слова – тоже фрагмент семантической структуры поля. Семантическое поле буквально соткано из полисемантов, что становится очевидным при конструировании поля. «Произведя разграничение значений многозначного слова, устанавливая их содержание и сравнивая их по содержанию, мы убеждаемся, что значения связаны друг с другом отношениями семантической деривации, что одно значение возникает из другого по определенным моделям семантического образования и что все они вместе образуют своими связями семантическую структуру слова» [57].

Автор выделяет в семантической структуре полисеманта исходное значение и производное(ые) значение(я). Исходное значение прямое, а производные – переносные. «Значения многозначного слова объединены содержательными связями. Эти связи – того же порядка, что связи понятий. Понятия не существуют порознь, а, напротив, связаны множественными связями, организующими их в структуре сознания. Эти связи называются концептуальными связями. Поскольку содержательные связи значений – те же концептуальные связи, необходимо указать основные типы последних: импликационные, классификационные и знаковые (семиотические)» [58, с. 767].

У М. В. Никитина распределение связей в структуре полисеманта осуществляется по формуле «исходное – производное» [57]. Ей соответствуют и примеры: *медведь* – «*определенный вид животного*» и «*неуклюжий человек*». К сожалению, не всегда можно определить исходное значение и не всегда можно «связать» представленные значения. Например, значения русского диалектного слова *голубой*: «*желтый*» (в цвете птиц), «*пепельный*», «*серо-дымчатый с белым*», «*черный с белым серебристым*», «*сиреневый*», «*сизый*», «*иссиня-черный*» – друг из друга никак не вытекают. Или в таджикском языке (на севере страны) *зеленый*: «*синий*» (цвет зелени, травы: *алафи кабуд* – *синяя трава*; *кабуди* – *синева (зелень)*). Перед нами классификационная связь, основанная не на семантических переходах, а на выделении дифференциальных признаков предмета, который в прошлом был эталоном *голубого* и *зеленого* цветов. По отношению к цветообозначениям *голубой* и *зеленый* (в прошлом родовым) все перечисленные значения будут видовыми. Семантические структуры диалектных *голубой* и *зеленый* представлены совокупностью видовых значений. И таких примеров очень много. Установить исходное значение в такого рода полисемантах и его связи с другими значениями непросто. На трудность установления исходного значения (исходной семемы) указывал Н. И. Тол-

стой [59]. При решении этой задачи необходимо четко разграничивать исходное значение в полисеманте и исходное значение в семантическом поле, фрагментом которого полисемант является. Исходное значение в поле – это этимон (семантический первоэлемент). Иначе говоря, проблема сложности определения первичного и вторичного в полисеманте обусловлена тем, что полисемант сам находится в определенных связях с другими значениями или со структурами других полисемантов в семантическом поле. В зависимости оттого, какой фрагмент поля выделен в полисемант, «вынут» из семантической структуры поля, в нем и будут выделяться те или иные связи (которыми фрагмент был соединен с другими элементами поля).

Обобщая сказанное о структуре полисеманта, можно сделать следующие выводы:

1. Поиск исходного значения в полисеманте закономерен, так как, описывая семантическую структуру многозначного слова, исследователи, естественно, ищут в ней нечто базовое (ядерное), на чем будут генерированы связи внутри структуры.

2. Трудности поиска исходного значения обусловлены синхроническим подходом к исследованию (на это обращает внимание Д. Н. Шмелев, незнанием истинной эволюции семантической структуры слова (где ее истоки, куда она «направляется»), а также неполнотой семантической структуры, наличием в ней в определенный период строго отобранных языком значений.

3. Преодолеть создавшиеся трудности при исследовании семантической структуры слова возможно, на наш взгляд, лишь поместив данную структуру в ту, из которой данная «родом», то есть в общую структуру семантического поля. Связи в ней, взаимоотношенность ее элементов создают целостность поля.

Отсюда следует, что для семантического поля как системы систем характерны динамичность, открытость и гибкость. Поле постоянно трансформируется. Причиной этому являются развитие абстрактного мышления и непрерывность познания:

производятся новые артефакты, в имеющихся предметах выделяются новые признаки. Динамичность поля предполагает его открытость: в поле входят новые семы, они связываются с прежними, возникают новые пучки значений – семантическое пространство поля увеличивается.

Структурную семантику, на наш взгляд, следует понимать очень широко, включая в нее структурно-семантическое описание и морфологии, и синтаксиса, лексики и стилистики. Поскольку целью нашего исследования является лексика, то и метод поля будет рассматриваться как одна из исследовательских процедур применительно только к лексическому уровню.

Для уяснения сути логической структуры семантического поля, по нашему мнению, важно понять, что представляет собой само семантическое поле. Наиболее точное его определение дано в трактовке Э. Косериу: «Семантическое (словесное) поле представляет собой в структурном плане лексическую парадигму, которая возникает при сегментации лексики – семантического континуума на различные отрезки, соответствующие отдельным словам языка. Эти отрезки-слова непосредственно противопоставлены друг другу на основе простых смысловых различительных признаков». Например, в немецком языке ряд *jung* – *молодой*; *neu* – *новый*; *alt* – *старый* составляет словесное поле [60, с. 12]. Одно словесное поле может включаться в другое поле более высокого уровня. Всякая языковая единица, существующая в форме простого слова, является с точки зрения содержания лексемой. Единица, соответствующая всему содержанию словесного поля, является архилексемой. Но так как словесные поля относятся к разным уровням, то и архисемы могут быть разных уровней.

Согласно точке зрения О. С. Ахмановой «...поле 1. Совокупность содержательных единиц (понятий, слов), покрывающая определенную область человеческого опыта... Поле семантическое... 1) Частичка („кусочек“) действительности, выделен-

ная в человеческом опыте и теоретически имеющая в данном языке соответствие в виде более или менее автономной микро-системы» [61].

Не менее интересна позиция Ю. Д. Апресяна относительно семантического поля: «Словарь языка не является хаотическим нагромождением единиц. Он распадается на некоторое число „полей“, объединяющих слова на основе их семантической общности. Каждое семантическое поле... присуще только данному языку и способно членить тот кусок действительности, который оно отражает» [62].

Из изложенного следует, что семантическое поле представляет отдельную небольшую лексическую подсистему, имеющую относительную самостоятельность. Автономность ее относительна, поскольку данное семантическое поле может иметь разнообразные семантические связи с другими полями. Именно такое разнообразие семантических связей и создает трудности как при определении его границ, так и при установлении состава его компонентов.

Всякое семантическое поле имеет специфическую структуру. Различия в структуре отдельных семантических полей зависят от культуры и развитости сознания языкового коллектива, от уровня развития материальных условий, в которых протекает общественная жизнь, от принципов, по которым осуществляется сегментация действительности. Принцип сегментации представляет собой внеязыковое содержание данного семантического поля. Но одновременно тесно переплетается со специфическими чертами и языковой системы. И поэтому, на наш взгляд, при исследовании структуры всей лексико-семантической системы и структуры отдельного семантического поля нельзя не учитывать тесного взаимодействия внеязыковых (культура, общественные условия, географическая среда) и языковых факторов.

Системный характер словесного состава, как отмечает Э. М. Медникова, обнаруживается, в первую очередь, в распреде-

лении слов по некоторым семантически объединенным лексическим группам – лексико-семантическим парадигмам. Каждое слово языка входит в определенную лексико-семантическую парадигму, причем зачастую, вследствие своей многозначности, не только в одну. Индивидуальная семантика слова раскрывается через его противопоставление другим членам парадигм, в которые оно входит, по определенным существенным признакам [63].

Возможность различных подходов при исследовании семантических полей подтверждает гипотезу о наличии нескольких уровней абстракции при переработке, хранении и передаче семантической информации. На более высоких подконтрольных уровнях структуры языка в качестве таких единиц выступают, видимо, некие единицы смысла. На этом уровне слово можно рассматривать как комбинаторный вариант этих единиц, и смысловые связи между словами объясняются наличием в их составе общих единиц смысла или сходства структуры их комбинаций, что не всегда доступно непосредственному наблюдению и интуиции.

В данном случае важным представляется факт, что лексико-семантические группы представляют собой собственно языковые единицы, продукт исторического развития того или иного языка. Слова, выражая свои собственные значения, в рамках одной лексико-семантической группы в то же время оказываются связанными между собой отношениями, не безразличными для их собственных значений. Это отношения синонимии, антонимии, различного рода уточнения, дифференциации и обобщения близких или сопредельных значений. Обусловленные разными причинами изменения этих отношений оказывают воздействие на развитие значения отдельного слова, на самый состав лексико-семантической группы и ее дальнейшую судьбу, рост или сужение количества компонентов группы и даже ее распад, замену одних слов другими.

Лексико-семантические группы слов, конечно, не изолированы друг от друга. Можно полагать, что связи между ними осуществляются двумя основными способами: во-первых, путем своеобразного параллелизма или соприкосновения всего круга значений одной группы с кругом значений других групп; во-вторых, посредством разнообразных семантических связей одного члена группы с другими словами, не входящими в данную группу. Эти способы могут реализоваться и в комбинированном виде [64, с. 36].

Согласно точке зрения немецкого лингвиста Г. Кандлера, для понимания поля в точном смысле более важны следующие его черты: содержательная значимость слов не может быть понята исходя из отдельного слова; в содержательном плане каждое слово зависит от всего состава поля близких по смыслу слов. Смысл слова определяется содержанием его соседей по полю. Как только хотя бы одно слово включается в поле или выпадает из него, тем самым затрагивается каждое другое слово этого поля, изменяются содержательные границы конкретного языка и для каждого его носителя вырисовывается некоторое плотное, без пропусков покрытие. Явления внешнего мира упорядочены в этой понятийной системе так, что незаметно никаких пробелов. Это смысловое членение выступает как языковая способность носителя языка, определяет его понимание, мышление и речь. Иное членение на поля в иностранных языках или в другие исторические периоды родного языка осуществляется по-другому, но в основе его тоже лежит упорядочение без пробелов. Все сказанное Г. Кандлер сводит к взаимосвязанным пунктам, где ключевыми являются следующие принципы:

- целостность;
- упорядоченность;
- взаимоопределяемость;
- произвольность границ;
- сплошность [76].

Существуют и другие косвенные доказательства полевой организации единиц в языке. Так, И. М. Кобозева, чья работа носит систематизирующий характер, приводит следующие свойства семантического поля [65]:

1. Наличие семантических отношений (корреляций) между составляющими его словами.

2. Системный характер этих отношений.

3. Взаимозависимость и взаимоопределяемость лексических единиц.

4. Относительная автономность поля.

5. Непрерывность обозначения его смыслового пространства.

6. Взаимосвязь семантических полей в пределах всей лексической системы (всего словаря).

В работах Б. Ю. Городецкого, И. М. Кобозевой содержится обобщение и систематизация видов связей между единицами поля. Составленная на основе требований подставимости и наличия существенной общей части в выражаемых словами понятиях классификация отличается детализацией каждой корреляции. Приведем ее основные пункты так, как они даны в книге И. М. Кобозевой, с минимальными комментариями [65]: 1) синонимические корреляции (при этом выделяется полная синонимия, экспрессивно-стилистическая); 2) гипонимия; 3) несовместимость (как вид отношений, связывающий гипонимы одного уровня); 4) корреляция «часть – целое»; 5) антонимические корреляции (включающие векторную и контрарную антонимию); 6) конверсивные корреляции; 7) корреляции семантической производности (включающие актантные корреляции, такие как субъект – действие, действие – объект и т. д.); 8) ассоциативные отношения.

Семантические корреляции могут быть до определенной степени соотнесены с типами структур в семантических полях, представленных Ч. Филлмором. Эти структуры включают:

1) контрастивные множества (семантические оппозиции); 2) таксономические структуры (группы слов, связанных отношением господства); 3) отношения партономии («часть – целое»); 4) парадигмы, имеющие общий семантический признак и отличающийся другими признаками, каждый из которых участвует в различении более чем одной пары слов (*man – woman*); 5) циклы: *утро – вечер – день – ночь*; 6) цепи: группы слов, соединенных ранговым отношением, например, воинские звания; 7) сети, которые строятся на основе нескольких простых отношений (например, отношения родства); 8) фрейм как более универсальный по сравнению с предыдущими вид отношений. Фрейм у Ч. Филлмора определяется как «набор слов, каждое из которых обозначает определенную часть или аспект некоторого концептуального или акционального целого» [69, с. 49].

Первая классификация предлагает более широкую группировку единиц по сравнению со второй. При ее использовании одно и то же слово оказывается членом почти каждой из корреляций, что открывает возможность для более детального структурирования поля. Кроме того, включение таких видов связей, как корреляции семантической производности и ассоциативных отношений, открывает новые возможности для поиска тех участков семантического пространства, несовпадение которых в разных языках может привести к непониманию в контексте межкультурного общения. Вместе с тем актантные связи как частный случай семантической производности фактически составляют основу фреймовых структур. О возможности применения таких связей (при этом не называя их «актантными») в качестве инструмента структурирования поля пишет Ю. Н. Караулов, подчеркивая, что они обладают универсальным характером. На возможность использования предикатно-актантных связей для формализованного представления единиц языка указывает И. Г. Ольшанский. В своей работе И. М. Шеина также ис-

пользует актантные связи для концептуализации полевых структур [72].

Вышесказанное можно резюмировать следующим образом:

- существует изоморфизм между семантическими полями (на любом уровне языка) и концептуальными структурами представления знаний (на уровне концептуальной картины мира);

- существует единственная возможность проникновения в структуру фрейма с помощью анализа лексико-семантических единиц, так как фрейм является идеациональным построением;

- эффективность анализа фрейма в рамках поля (микрополя, лексико-семантической группы) предопределяется тем, что актантные связи как вид семантических отношений в парадигматических группах «исчислимы, применимы к материалу разных языков, и их перечень может быть представлен почти исчерпывающим списком» [73];

- голографичность поля находит свое отражение в том, что любой участок семантического поля – от значения лексико-семантического варианта до микрополя – может быть представлен в виде фреймовых и пропозициональных структур.

В последние десятилетия все большее распространение в научных кругах получает психо-когнитивный подход к изучению поля. А. Р. Лурия писал: «Каждое слово возбуждает целую сложную систему связей, являясь центром целой семантической сети, актуализирует определенные семантические поля», которые характеризуют важный аспект психологической структуры слова. «Понятие „семантическое поле“ – продолжает автор, – которое вызывается каждым словом, является вполне реальным, и ... поэтому как процесс называния, так и процесс восприятия слова ... следует рассматривать как сложный процесс выбора нужного „ближайшего значения слова“ из всего вызываемого им „семантического поля“» [74].

А. А. Залевская описывает ряд психологических экспериментов, результаты которых показывают, что внутренний лек-

сикон человека представляет собой иерархическую систему, в основе организации которой лежит семантическая категоризация [75]. По мнению Р. Павлиниса, новый концепт строится, с одной стороны, на основе уже существующих концептов, которые выступают в качестве его интерпретантов, а с другой стороны, появление нового концепта может вызывать изменения во всей концептуальной микросистеме [76].

Как нет единого определения поля, так нет и единого критерия отбора образующих его элементов. Это могут быть общая функция, предметная сфера, понятие, общее лексическое значение, точка зрения, отсюда и разнообразие элементов, которыми являются фонемы, слова, синтаксические единства и другие языковые средства.

Л. Вейсгербер подразделяет языковые поля на однослойные, двуслойные и многослойные. Критерием такого деления является наличие определенного количества точек зрения на рассматриваемое понятие. Слова как результат членения понятия под тем или иным углом зрения получают свое значение исходя из того, как классифицирует их человек. К однослойным полям Л. Вейсгербер относит числительные, поскольку их человек рассматривает с одной точки зрения. При этом входящие в состав данного поля слова не обладают общим лексическим значением. Их объединяет общая функция. Как двуслойное поле анализируется поле «Нарушение», состоящее из существительных, прилагательных и глаголов. Данное поле рассматривается с таких точек зрения, как степень ответственности (Gradder Verantwortung) и против какой нормы совершено нарушение (Verstoß gegen welcher Norm), и подразделяется на основные ряды, состав которых зависит от того, с какой точки зрения они рассматриваются. Одни элементы данного поля, например, Torheit «глупость», Tolpelei «глупость», имеют общие значения. Слова Unfug «буйство», «бесчинство», Vergehen «проступок» имеют отношение к одной предметной сфере, кроме того, в сво-

ей смысловой структуре они содержат общий семантический признак «нарушение чего-либо». Такие элементы поля, как *Un-tat* «преступление, злодеяние» и *Torheit* «глупость», не объединяют ни значение, ни функция, ни дифференциальный семантический признак, инвариантный всем элементам поля. Точки зрения как критерии, определяющие содержание того или иного ряда, субъективны и зависят от мировоззрения отдельного человека. Примером одного из многослойных полей, анализируемого с нескольких точек зрения, служит поле, включающее в себя слова, обозначающие умирание, увядание, например: “*abfahren, abgehen, abhauen, abkratzen, sich abmahen, abrutschen*” [77]. В данное поле входят слова, явно обладающие общим лексическим значением.

Таким образом, Л. Вейсгербер [10] исследует различные типы полей. В состав одних входят слова, объединенные общей функцией, например поле числительных, другие включают в себя слова с общим лексическим значением – поле глаголов умирания. Третий тип поля включает в себя слова не только с общим лексическим значением или объединенные одной функцией, но и слова, имеющие общий семантический признак.

О. Духачек исследует лингвистические поля: словесные лингвистические и понятийные. К словесным полям О. Духачек относит морфологические, синтаксические (синтагматические) и ассоциативные. Слова объединяются на основе общности формы и родственности значений. Ядром таких полей является слово. Понятийные лингвистические поля подразделяются на элементарные и комплексные. Ядром элементарных полей является одно общее понятие, которое соотносится с семантическим признаком в структуре слов, в свою очередь, ядром комплексных полей является несколько близких понятий, они более обширны и менее однородны, чем элементарные поля [11].

Выделим несколько основных критериев отбора элементов в поле: общее лексическое значение элементов поля, общ-

ность предметной сферы, общая функция, наличие одной или нескольких точек зрения на то или иное явление действительности. Наиболее распространенным критерием отбора элементов в поле является общий семантический признак, который в российской лингвистике называют также «сема», «семантический множитель», «компонент значения», «элемент смысла» (Ю. Д. Апресян, В. Г. Гак, А. А. Уфимцева, И. М. Кобозева). Данный признак используется учеными при исследовании языковых явлений методом компонентного анализа, предполагающим выделение семантических компонентов значений слов. Значение включает в себя совокупность признаков, отражающих определенное понятие. Такая совокупность семантических признаков состоит из более мелких, иерархически упорядоченных и семантически неделимых элементов, сем. В зависимости от роли в семантической структуре слова выделяют родовую сему (архисему), которая является основной, и видовые дифференциальные семы, уточняющие значение. Семы выполняют определенную функцию не только в структуре значения слова, но и в структуре поля, в силу чего они объединяют элементы в поле, определяют различия между элементами, их расположение и отношение к тому или иному полю. Отметим, что один и тот же признак может быть и интегральным, и дифференциальным.

При анализе семантических полей согласно точке зрения Б. Ю. Городецкого следует особо обратить внимание на специфические корреляции, связывающие семантические единицы в семантическом поле [78]. К этим корреляциям он относит: синонимические корреляции; гипонимические корреляции (например, в русском языке *багровый* – *красный*; или в таджикском *сурх* – *кирмизи*); корреляции несовместимости (ср. *красный* – *зеленый* – *сурх* – *сабз*), антонимические корреляции; корреляции следования (*изучать* – *знать* – *омӯхтан* – *донистан*); конверсивная корреляция (*продавать* – *покупать* – *фуруҳтан* – *харидан*); агентивная корреляция (*покупать* – *покупатель* –

харидан – харидор) и др. Специального исследования, по мнению Б. Ю. Городецкого, требуют более подробные виды этих корреляций. Например, под общим названием «антонимические корреляции» кроются весьма различные семантические отношения (ср. высокий – низкий – *паст* – *баланд*; живой – мертвый – *зинда* – *мурда*; черный – белый – *сиёх* – *сафед*; вперед – назад – *пеиш* – *кафо*).

Необходимо отметить, что семантическое поле образуется множеством значений, которые имеют хотя бы один общий семантический компонент, например, *величина, вес, вместимость, высота, глубина, длина, интенсивность, количество, объем, площадь, размер, сила, скорость, температура, толщина, ширина, число, яркость*, а также все их семантические и иные производные, включая слова других частей речи (ср. *горячий, холодный, нагреваться, охлаждаться, раскалять; или брызги, капли, комья, крошки, куски, ломти, лоскуты, обрезки, обрывки, осколки, отрывки, детали, фрагменты, части, щепки*) [79]. Уже эти примеры показывают, что от элементов семантического поля не требуется обнаружение большего семантического сходства друг с другом, чем с другими элементами словаря.

«В силу указанного свойства, – отмечает Ю. Д. Апресян, – семантические поля суть классы пересекающиеся; единственного разбиения словаря на семантические поля, если не принимать искусственных принципов классификации и не подменять семантические компоненты бинарными или иными дифференциальными признаками, не существует; из любого семантического поля через более или менее длинную цепочку посредствующих звеньев можно попасть в любое другое поле, так что семантическое пространство языка оказывается в этом смысле непрерывным» [80].

В числе наиболее общих свойств поля следует назвать, прежде всего, связь его элементов, о которой в том или ином виде говорится во всех определениях. По поводу природы этой

связи нет единого мнения: для одних она обусловлена семантическим сходством или близостью значений [83, с. 57], разного рода семантическими корреляциями [84, с. 22], для других – только единой точкой зрения на объект [85, с. 40], для третьих – наличием общего компонента у всех слов данного поля [86, с. 9]. От констатации связей между элементами поля в ряде определений сделан следующий шаг – к признанию системного характера этих связей, к тезису и специфичной структуре семантического поля. Причем внутренняя структура понимается по-разному: либо как парадигма [87, с. 36], либо как набор коррелирующих [88, с. 22], либо как сеть понятийно-логических отношений [89, с. 53].

Следующим важным общепризнанным свойством поля, вытекающим из его внутренней упорядоченности, является «взаимоопределяемость» его элементов [90, с. 17], которая иногда выступает в виде их «взаимозаменяемости» [91, с. 80].

Указанные свойства поля – связь между элементами, их упорядоченность и взаимоопределяемость – подходят к одному из фундаментальных свойств комплексного характера – самостоятельности семантического поля, выражающейся в его целостности, а следовательно – принципиальной выделимости.

Семантическому пространству, описывающему человека, уделяется традиционно много внимания в тех отраслях лингвистики, которые занимаются живой речью, – в диалектологии, при исследовании разговорной литературной речи, просторечия и т. п. Это не случайно: слова данного семантического поля составляют значительную долю лексикона и оказываются диагностическими во многих случаях.

Так, например, Л. П. Крысин, анализируя разговорную лексику, говорит о ее антропоцентризме, то есть о том, что в данной лексике отражаются наименования человека, его признаков, действий и т. д., а также о том, что все остальные наименования даются с точки зрения человека, поскольку в них

всегда присутствует его оценка [95, с. 83-85]. «Программа собирания сведений для лексического атласа русских народных говоров» [96] включает следующие вопросы по теме «Человек»: анатомические названия, наименования физических особенностей человека, характеристик личности, семейных и социальных отношений, термины народной медицины, традиций, народной духовной культуры и др. [97, с. 17].

В арабоязычных Раса'ил Ихван ас-сафа (Трактатах чистых братьев) также сделана попытка суммировать все знания того времени о человеке. Вторая часть книги посвящена «микрокосму» – человеку, венцу творения, «совершенному человеку», поднявшемуся через самопознание, познание мира и Бога до состояния совершенства «малого мира», человеку, в духовном мире которого происходят познание и утверждение идеи единого Бога, возврат от множественности вещей к единственности Творца [98, с. 67]. Изложим далее точку зрения на это Джала-аддина Руми, последователя Ибн Араби. «Хотя мир един, если смотреть на него с точки зрения божественной сущности, с точки зрения относительности в нем есть фундаментальная поляризация на микрокосм и макрокосм». Макрокосм – это мир в его бесконечном многообразии, отражающий божественные имена и свойства как множество частных делений и определенных разновидностей. Микрокосм – это человек, который отражает все те же свойства, но как их сумму. Макрокосм и микрокосм подобны двум зеркалам, поставленным одно против другого: каждое содержит все свойства другого, но одно (мир) – более внешним и объектным образом и в деталях, подробно (*муфассал*), а другое (человек) – в более внутреннем и субъективном виде, в качестве как бы резюме (*муджамал*) первого. Таким образом, вся сумма самопознания человека, в принципе, включает в себя знание всего мира. У Майсари о «малой вселенной» – человеке находим следующее: «Сердце – эмир тела, а мозг – вместилище интеллекта – его везир» [99, с. 34]. Как ви-

дим, тема понимается достаточно широко и ее разработка не ограничивается исследованием лексики, непосредственно называющей человека.

Таким образом, в тех слоях лексики, которые отражают наивную картину мира, семантическое пространство, связанное с человеком, исследуется достаточно подробно.

Итак, предметом нашего исследования является семантическое поле «انسان–Человек» в сознании носителей русского, таджикского и персидского языков.

Как показали результаты исследования, поле «Человек» имеет сложную и многоступенчатую структуру с широкой периферией, состоящей из четырех основных секторов: «Отношение человека к обществу», «Анатомия человека», «Жилище человека», «Вещи и принадлежности человека».

Объем материала настолько велик, что в рамках данного исследования невозможно проанализировать все поле целиком. Поэтому мы обратили внимание только на центр поля и сектор «Анатомия человека», представляющий, на наш взгляд, значительный интерес для выявления особенностей русского, таджикского и персидского языков.

Нами были более подробно рассмотрены существительные, обозначающие некоторые фундаментальные способности человека: *сердце, душа – калб, рух; глаза – чаим* и т. д. Эти существительные обладают весьма яркими особенностями поведения. Эти особенности мы объясняем спецификой их семантики, а именно – тем, что толкования данных слов обладают совершенно особой организацией.

Для построения иерархических зависимостей в этой области мы предлагаем такие компоненты: «часть – целое» (*глаз – чаим, лицо – ру(х), голова – сар, тело – бадан*); элемент – класс (*большой палец – палец – ангуит – нарангуит*); род – вид (*волосы – коса – муй – ко кул*).

Здесь уместно отметить, что само вычленение поля и установление в его пределах границ между составляющими его лексемами мы осуществили с помощью приемов дистрибуции. Поля с архисемой «организм» в русском, таджикском и персидском языках анализируются в сопоставительном плане, с целью выявления тех пробелов, о которых нами было указано выше. Методика исследования строится здесь как сочетание дистрибутивного описания с анализом оппозиции.

При построении семантического поля граница между синонимами и парасинонимами определялась на основе анализа контекстов.

1.2. Свойства семантического поля

Не вызывает сомнения, что единицы языка составляют системы. Слова не являются исключением. Находясь друг с другом в определенных синтагматических и парадигматических отношениях, они «существуют не изолированно друг от друга, а объединяются в языке, в речи с помощью отдельных значений. Именно поэтому и происходит соединение слов в группы по семантическому сходству, объединение слов по этому признаку в семантические поля. А исследование словарного состава языка с помощью семантических полей дает общее, но в то же время достаточно четкое представление о значениях слов, их взаимодействиях в пределах многозначного слова в целостной лексико-семантической структуре языка» [67].

Под семантической связью в самом общем виде понимают отношения между словами в системе лексики того или иного языка или отношения слов в поле. Вопрос о характере этих связей, их типах выдвигается на первый план тогда, когда речь заходит об описании разного рода процессов и преобразований как в парадигматике, так и на синтагматической оси. Парадиг-

матические преобразования в сопоставляемых языках представлены деривацией формальной или собственно деривацией (например, в русском языке: *человек – человеколюбие – человеконенавистник* или в таджикском языке: *инсон – инсоният*). Процессы в синтагматике связаны, прежде всего, с соединением слов в предложение и текст и с разного рода трансформациями. Предпосылками семантической связи здесь являются, во-первых, синтаксическая связь (например, для русского языка: согласование, управление, примыкание, тяготение, приложение, порядок слов; для таджикского языка: изафетная конструкция, примыкание; здесь следует заметить, что примыкание таджикского языка в отличие от русского используется для связи: 1) сказуемого с прямым дополнением, если оно выражено именем – основой (без послелoga – ро); 2) сказуемого с обстоятельством образа действия и т. д.), во-вторых, семантическая сочетаемость. Предпосылки, однако, еще не означают существования семантической связи. При наличии только синтаксической связи мы получаем грамматически правильный текст, который может быть бессмысленным: *Голубая структура кивнула ногой*. Выполнение требований не только синтаксической, но и семантической сочетаемости приводит к построению грамматически правильных и осмысленных фраз, слова в которых тем не менее могут быть не связаны постоянными семантическими отношениями: *Голубой дом мелькнул за рекой*. Понятно, что *дом* может быть *голубым, зеленым, каменным* и т. п., *дом можно увидеть, купить, в него можно войти* и т. д. – все эти связи со словом *дом* равно возможны, но они однократны, мгновенны. Точно так же как можно *войти в огород, увидеть и купить капусту* и т. п. Иное дело отношения в парах *дом* и *крыша*, *дом* и *жить* (в значении «проживать»): между этими словами возможны и синтаксические связи, они обладают и свойством семантической сочетаемости, наконец, вероятность встретить их в одном и том же тексте недалеко друг от друга – на длине предложения или абза-

ца – гораздо выше, чем пары *дом* и *голубой* или *дом* и *мелькнуть* [6]. Таким образом, семантическая связь между словами, не находящимися в деривационных отношениях, – явление сложное, вбирающее в себя в качестве предварительных ступеней более простые явления синтаксической связи и семантической сочетаемости.

Семантическая связь между дериватами определяется, как правило, формально, по наличию в них общего элемента – корня или аффикса (при словообразовании), единой лексемы (при актуальной деривации). Аналогичное определение получает и синтаксическая связь (по общности формальных элементов).

Попытки обобщения семантических связей приводят к выделению их типов, которые до известной степени характеризуют эти связи с содержательной стороны. Типы связей бывают узкие и широкие. Примерами первых могут служить: «быть субъектом» – *рабочий* – *коргар*, «быть предназначенным для» – *компьютер* – *компьютер*, «быть местом» – *гостиная* – *мехмонхона*, «совершать действие» – *делать* – *кардан*, *сохтан*, «быть частью» – *диван-кровать* – *диванкат*. Примерами типов связей с широкой семантикой для существительного являются «ономазиологические категории»: носитель свойства, носитель отношения к действию, носитель предметного отношения и др.

Как видно из приведенных примеров, многие из названных типов связей, как узких, так и широких, обладают универсальным характером и могут найти применение за пределами деривационных отношений.

Необходимость генерализации семантических связей стала особенно остро ощущаться при решении задач машинного перевода и построения моделей «смысл – текст». В научной литературе, посвященной этим вопросам, важное место отводится понятиям «семантическая зависимость», «семантическое отношение», «лексическая функция». Последняя трактуется как некоторое смысловое отношение, например, «равенство по смыслу» (Syn),

«противоположность по смыслу» (Anti), «конверсив» (Conv), «высокая степень» (Magn) и др. Любому данному слову такая функция ставит в соответствие определенный набор лексических единиц, находящихся с ним в указанном (то есть либо Magn, либо Syn и Anti, либо Conv и т. п.) смысловом отношении.

В настоящей работе семантическая связь понимается операционально – как наличие ассоциации между двумя лексемами и общность компонента.

Вот несколько примеров: категориальные признаки – *живое существо*, *лицо* – *шахс*, *пол* – *чинс* – компоненты в пределах микрополя *лицо* – в русском языке – «родственные отношения», «род занятий или профессия», «место жительства», в таджикском языке *шахс* – «индивидуальность», «род занятий или профессия» – *шахси юридики* – *юридическое лицо*; «членство в общественных организациях и группировках». Содержательный смысл, понимаемый указанным образом семантической связи, – в отражении реально существующих связей между предметами и явлениями объективной действительности.

Вслед за А. А. Уфимцевой [92] мы считаем, что основным критерием выделения семантического поля является общность значений на основе общности сем, при этом не учитывается грамматическая парадигматика. Лексическая система языка, безусловно, является образованием, в котором элементы находятся в определенных отношениях зависимости и упорядоченности. Мы разделяем мнение В. П. Абрамова, который считает, что лексика языка – это «упорядоченное множество элементов, связанных определенными отношениями. Несмотря на то, что лексическая система достаточно открыта, а само количество элементов несоизмеримо велико по сравнению с элементами других систем, лексика все же представляет собой устойчивую и обозримую систему в каждый данный период развития языка» [45, с. 78].

Структура семантического поля, как известно, представлена центром и периферией. Как отмечает З. Н. Вердиева, «словес-

ные знаки, в смысловой структуре которых доминирующее положение занимает признак, совпадающий с понятием, интегрирующим поле, образуют его ядро. Словесные знаки, содержащие этот признак в субординативной позиции, относятся к периферии поля» [23, с. 120]. Ядро семантического поля выражает общий с понятием семантический признак. Для выделения периферии семантического поля важно выявить вторичные семантические признаки, которые могут быть определены при помощи контекста [78, с. 78]. Ядро и периферия являются «репрезентантами аксиологических категорий и, соответственно, выступают как овнешнители языкового сознания. Дифференцирующие национально-культурные ценности оформлены временем, они составляют сущность менталитета этноса и отличают его от других этносов» [90, с. 5-15]. На основании сказанного можно сделать вывод о том, что элементы семантических полей, находящиеся в сложных связях друг с другом, состоят также в сложных связях с элементами объективной действительности, напрямую зависят от них и в некоторой степени детерминируют их.

Мы полностью разделяем мнение В. П. Абрамова, который указывает на иерархическую расположенность элементов поля и на сущность поля как интеграционную систему, объединяющую свойства принадлежащих ей классов и подклассов: «Семантическое поле представляет собой лексико-семантическую категорию, в которой синтезируются свойства единиц классов. Поэтому единицы семантического поля рассматриваются каждый раз как единицы того или иного лексико-семантического класса слов, обладающие всеми его семантическими, структурными и функциональными свойствами. Каждый класс семантического поля обнаруживает определенную структуру: своеобразное ядро и центральная часть, а также периферия. Различные его единицы в пределах „сфер“ семантического поля оказываются закономерно связанными различного рода

повторяющимися регулярными отношениями, такие единицы нередко дифференцируются стилистически» [68, с. 67-68].

Таким образом, необходимым условием построения поля является наличие у всех слов, входящих в его состав, обязательной семантической связи с именем. На выполнение этого условия и была ориентирована методика. В соответствии с ней ассоциативные связи устанавливаются с очередным ядром, а в состав формируемого поля включаются слова, относящиеся к этому ядру. Одним из косвенных показателей наличия таких слов в поле является невозможность упорядочить их некоторым непротиворечивым способом. Однако, как показывает анализ связей в поле «انسان—Человек» в сопоставляемых языках, а также упорядочения состава полученных полей, включения в поле слов на основе второстепенных, ослабленных или случайных связей с ядром практически не происходит. Классическое определение поля как «тесно связанного по смыслу раздела словаря» в сопоставляемых языках оказывается вполне применимым и к нашему результату. Следует отметить, что при сопоставлении единиц высокого уровня расхождения между русским, таджикским персидским языками менее значительны. Это частично объясняется общими причинами: чем больше по объему сопоставляемые единицы, тем менее глубоки расхождения.

Рассматривая свойство семантического поля в сопоставляемых языках, необходимо также рассматривать проблему обратимости. Под обратимостью, вслед за Ю. Д. Карауловым, мы понимаем возможность однозначного перехода от наличного состава семантического поля к его ядру. Первоначальный выбор ядра на первом этапе был обусловлен минимальным составом поля (*глаза – чаши*). Дальнейшие методические процедуры строились таким образом, что ядро было той основой, той базой, вокруг которой и разворачивалось поле. Анализ связей между словами в составе расширенного поля (семантическое поле «انسان—Человек») показывает, во-первых, что эти связи обрати-

мы (так, если единицы *эмоция – эхсос* в сопоставляемых языках связаны со словами *индивидуум – индивидуум*, то верно и обратное), и, во-вторых, что ядро характеризуется максимальной интенсивностью связей, каждая из которых в отдельности обратима (семантическое поле «*انسان*–Человек»). В этих условиях, казалось бы, и отношения между ядром и составом его поля должны быть обратимыми тоже: как построение поля, например, вокруг имени «интерес – шавк». Так и наоборот – определение ядра для группы: *интересоваться – хавас кардан, наблюдать – нигох кардан, замечать – дида мондан, интересный – шавковар, серьезный – чидди, важный – мухим, любопытство – кунчкови, увлечение – шавку завк, интересовать – хаваснок кардан и т. д.* должно быть одинаково возможным. Однако если это предположение оказывается верным для мини-поля *интерес – шавк*, то реализовать его для расширенного варианта поля (поле «*انسان*–Человек») оказывается значительно сложнее.

Далее, свойством обратимости обладают, очевидно, и перечисленные группы с четко очерченными границами и «неопределенным ядром», которые мы не относим к собственно семантическим полям – это «имена родства» (отец, мать, жена, дед, бабушка, сын, дочь, свекор, теща). Таким образом, если на воображаемой мысленной шкале расположить различные лексические группы по степени убывания возможностей для их обратимости, то получим следующую картину: бинарные группы, замкнутые перечислительные классы, мини-поля, поля в расширенном варианте.

Объяснение этого положения заключается, на наш взгляд, в специфике смысловой организации лексики сопоставляемых языков. Когда мы констатируем обратимость связи в одиночной паре ядро – слово (= слово – ядро), члены каждой такой пары выступают как равноправные. Когда же речь идет об отношении ядра к совокупности слов, то есть к полю в целом, отношение выступает в новом качестве – как отношение иерархическое:

иерархия вводит разрывность в семантически недискретную область словаря, что и влечет за собой необратимость. Там, где есть иерархия, не может быть обратимости.

А. М. Пешковский по поводу свойства обратимости-необратимости в синтагматике (на уровне словосочетания и предложения) говорит следующее: «Неизбежным спутником необратимости отношений является еще сознание неравенства соотносящихся величин, преобладания одной из них над другой и подчинения одной из них другой» [53]. При этом показателем обратимости в синтагматике оказывается одинаковая морфологическая оформленность сочетающихся элементов (например, брат – учитель), то есть наблюдается полная аналогия с перечислительными группами типа *имена родства*, внутри которых тоже нет лингвистической иерархии и элементы которых тоже имеют одинаковую оформленность.

Свойство необратимости семантического поля позволяет сделать важный вывод относительно природы этого объекта. Как известно, «закон обращения планов» – один из основных семиотических законов – характеризует именно объекты знаковой природы.

Отсюда следует, что если обратимость не имеет места, есть основания полагать, что поле является объектом незнаковой природы (то есть словаря).

Ограниченность иерархической организации словаря обусловлена особым положением слова, лексики в целом, в языке. Являясь основным элементом внутренней структуры языка, слово в то же время связано непосредственно и с его внешней структурой, поскольку лексико-семантическая система языка, как известно, детерминирована культурно-социологически. Однако и эта детерминированность неполная. Словарь стоит как бы на рубеже, на переходе от внутренней структуры языка к внешней, в нем преломляются свойства и той и другой.

Итак, словарь представляет собой незначковый способ организации знаков, который внутри этого класса явлений характеризуется рядом отличительных черт.

Тем не менее рассмотренное свойство поля вносит известные неудобства в пользование словарем семантических полей, разрушает представление о целостности самого понятия поля. Поэтому целесообразно попытаться представить структуру поля так, чтобы она давала больше возможностей для вывода имени поля из его состава, то есть максимально приближалась к обратимой.

Семантическая связь, на наш взгляд, представляет собой то универсальное понятие, которое в равной степени релевантно и для внутренней и для внешней структуры поля. Связей в поле всегда меньше, чем слов, а следовательно, полученная структура должна обладать также и требуемой компактностью. Здесь возникает вопрос: относится ли данное представление семантической связи только лишь к русскому языку или это представление в той или иной мере отражает некоторые существенные свойства системно-структурной организации полей в лексике, выявляющиеся и в других языках?

Наиболее существенные признаки системы семантических полей – их группировки, основной состав полей и основные линии связи между ними, по-видимому, являются в разных языках едиными. Речь идет, разумеется, о единстве именно наиболее общих признаков системы полей, что не исключает, а, напротив, предполагает проявление существенных расхождений языков различного строя.

Проявления общности, единства основных признаков системы семантических полей в разных языках отражают общность мыслительных категорий, лежащих в основе рассматриваемых единств, что, в конечном счете, восходит к единству отражения субстанций, свойств и отношений объективной внеязыковой действительности. Проявления же расхождений, своеоб-

разия семантических полей в языках разных типов коренятся в особенностях строя отдельных языков, их категориальной системы, в различиях, существующих в распределении выражения тех или иных отношений между морфологией, синтаксисом, лексикой, средствами контекста и ситуации.

Важно также отметить, что семантические поля, принадлежащие различным языкам, представляют структурную организацию окружающего мира, вербализованную посредством языка. Поскольку концептуальное и языковое содержание лингвокультур различных языков варьируется, то семантические поля как способ репрезентации языковых картин мира зависят от национального восприятия мира. «Семантическое поле – это компактная часть словаря, покрывающая какую-то определенную „понятийную сферу“ данного языка. Оно неповторимо, управляется своими внутренними законами и реализует свою „картину мира“, не совпадающую с аналогичным явлением как в разных языках, так и в истории одного и того же языка. Исходя из этого, задача исследователя заключается в том, чтобы определить специфические для данного языка распределение, связь и взаимообусловленность значений» [34, с. 88]. Из этого следует, что семантическое поле представляет собой совокупность взаимообусловленных значений слов, объединенных общностью какой-либо понятийной сферы языка, обладающих определенной структурно-функциональной направленностью и выражающих способ мировосприятия данным народом, этносом.

Семантическое поле может рассматриваться и как средство репрезентации реальности, как лингвистическая категория и как метод описания лексического состава языка. Кроме того, семантическое поле является философской категорией, направленной на познание закономерных связей явлений языковой действительности: «Являясь в таксономическом аспекте категорией высшего порядка, поле выступает в ином плане как метод системно-функционального анализа языка. Интерпретация того

или иного фрагмента действительности в виде иерархически организованного в языке семантического пространства представляется наиболее полным и адекватным методом познания мира в важнейших связях его объектов» [67].

Как верно замечает В. Н. Денисенко, семантическое поле необходимо рассматривать как явление многоаспектное, взятое в совокупности его манифестаций: «Семантическое поле ... следует рассматривать по трем осям – парадигматика, синтагматика и эпидигматика. Кроме того, при реконструировании поля целесообразно учитывать также ассоциативные связи слов и субъективный фактор, то есть отношение говорящего к реальности, высказыванию и собеседнику. В этом случае поле реконструируется не само в себе, а в его связи с другими полями и языковой картиной мира в целом, входящей в структуру языковой личности» [90, с. 56].

Следовательно, семантические поля репрезентируются не только посредством собственно лингвистических связей (парадигматика, синтагматика и эпидигматика), но и с учетом экстралингвистической реальности. Причем поля являются не строго системным образованием, а дискурсивным проявлением языковой репрезентации реальности, способным в зависимости от экстралингвистических факторов к трансформации в рамках данного языкового сознания.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Понятие поля значений предполагает в качестве предпосылки понятие значения в предложении, и отсюда – инвентарь значений в единице поля принципиально должен быть богаче, чем инвентарь значений единиц в предложении.

Даже если бы мы отвлеклись на время от того факта, что значения слов определяются контекстом, мы все равно не смогли бы нарисовать такую картину поля, которая давала бы возможность охватить его всего целиком одним взглядом.

О структуре семантического поля можно утверждать следующее: в каждом семантическом поле выделимы ядро и расположенные вокруг него семантические и стилистические слои, однако каждое семантическое поле количественно и качественно индивидуально и своеобразно в заполнении сетки своих взаимоотношений.

В исследовании свойств поля пришлось столкнуться с несколькими закономерностями, выразившимися в форме невозможности, запрета: невозможность обратимости, невозможность упорядочить внутреннюю структуру, невозможность однозначного определения границ поля, наконец, невозможность перехода от «языковой модели мира» на более высокий уровень обобщения – к «концептуальной модели мира» на основе чисто лингвистических приемов. Для лингвистики подобное формулирование закономерностей – как запрета, отрицания – не является приемлемым, его скорее склонны расценивать как недостаточность метода, слаб.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Стернин, И. А. Контрастивная лингвистика. Проблемы теории и методики исследования / И. А. Стернин. – Воронеж : Истоки, 2004. – 189 с.
2. Стернин, И. А. Контрастивная лингвистика. Проблемы теории и методики исследования / И. А. Стернин. – Воронеж : Истоки, 2004. – С. 46.
3. Есперсен, О. Философия грамматики / О. Есперсен. – М. : Иноиздат, 1958. – 408 с.
4. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М. : Прогресс, 1974. – 44 с.
5. Шмелев, Д. Н. Очерки по семасиологии русского языка / Д. Н. Шмелев. – М. : Просвещение, 1964. – 244 с.
6. Гак, В. Г. Языковые преобразования / В. Г. Гак. – М. : Языки русской культуры, 1998. – 764 с.
7. Апресян, Ю. Д. Проблема синонима / Ю. Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 1957. – № 6. – С. 84-88.
8. Тендряков, В. За бегущим днем : роман / В. Тендряков. – М. : Молодая гвардия, 1960. – С. 23.
9. СРЯ. – Т. 1. – С. 89.
10. СРЯ. – Т. 1. – С. 474.
11. СРЯ. – Т. 1. – С. 784.
12. Шмелев, Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка) / Д. Н. Шмелев. – М. : Наука, 1973. – С. 67.
13. ТРС. – С. 786.
14. ФЗТ. – Ч. 2. – С. 867.
15. ТРС. – С. 153.
16. Апресян, Ю. Д. Проблема синонима / Ю. Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 1957. – № 6. – С. 84-88.

17. Апресян, Ю. Д. Избранные труды. Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография / Ю. Д. Апресян. – М. : Языки русской культуры, 1995. – С. 252.

18. Горбачевич, К. С. Словарь эпитетов русского литературного языка / К. С. Горбачевич. – Л. : Наука, 1979. – С. 211.

19. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – М. : РиполКлассик, 2007. – С. 514.

20. Золотова, Г. А. Коммуникативная грамматика русского языка / Г. А. Золотова. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2004. – 540 с.

21. Залевская, А. А. Введение в психолингвистику : учеб. для студентов вузов / А. А. Залевская. – М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2004. – 384 с.

22. Залевская, А. А. Введение в психолингвистику : учеб. для студентов вузов / А. А. Залевская. – М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2004. – С. 310.

23. Мельчук, И. А. Русский язык в модели «Смысл-Текст» / И. А. Мельчук. – М. : Языки русской культуры ; Вена : Вен. славист. альм., 1995. – 682 с.

24. Александрова, П. С. Словарь синонимов русского языка / П. С. Александрова. – М. : Русский язык, 1968. – 600 с.

25. Уемов, А. И. Проблемы синонимов и современная логика / А. И. Уемов. – М. : Наука, 1961. – С. 26-48.

26. ФЗТ. – Ч. 1. – С. 858.

27. ФЗТ. – Ч. 1. – С. 858.

28. Мельчук, И. А. Русский язык в модели «Смысл-Текст» / И. А. Мельчук. – М. : Языки русской культуры ; Вена : Вен. славист. альм., 1995. – С. 435.

29. Шмелев, Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка) / Д. Н. Шмелев. – М. : Наука, 1973. – С. 123.

30. Ахманова, О. С. Очерки по общей и русской лексикологии / О. С. Ахманова. – М. : Учпедгиз, 1957. – С. 9.

31. Тендряков, В. За бегущим днем : роман / В. Тендряков. – М. : Молодая гвардия, 1960. – С. 12.
32. Балли, Ш. Язык и жизнь. – М., 2001. – С. 169.
33. Куприн, А. Н. Повести и рассказы. Т. 1. Болото / А. Н. Куприн. – М. : Художественная литература, 1961. – С. 78.
34. Гончаров, И. А. Фрегат «Паллада» / И. А. Гончаров. – М. : Наука, 1986. – С. 90.
35. Александрова, П. С. Словарь синонимов русского языка / И. С. Александрова ; под ред. П. А. Чешка. – М. : Русский язык, 1968. – 600 с.
36. Виноградов, В. В. Об омонимии и смежных явлениях / В. В. Виноградов // Вопросы языкознания. – 1960. – № 5. – С. 3-17.
37. Виноградов, В. В. Об омонимии и смежных явлениях / В. В. Виноградов // Вопросы языкознания. – 1960. – № 5. – С. 12-16.
38. Звегинцев, В. А. Семасиология / В. А. Звегинцев. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1957. – 338 с.
39. Звегинцев, В. А. Семасиология / В. А. Звегинцев. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1957. – С. 174.
40. Панов, М. В. О слове как единице языка / М. В. Панов. – М., 1956. – Т. 51. – С. 129-165.
41. Ельмслев, Л. Можно ли считать, что значения слов образуют структуру / Л. Ельмслев // Новое в лингвистике. – М., 1962. – Вып. 2. – С. 117-136.
42. Шмелев, Д. Н. Очерки по семасиологии русского языка / Д. Н. Шмелев. – М. : Просвещение, 1964. – 244 с.
43. Капанадзе, Л. А. Взаимодействие терминологической и общеупотребительной лексики / Л. А. Капанадзе // Развитие современного русского языка. – М., 1965. – С. 85-103.
44. Апресян, Ю. Д. Дистрибутивный анализ значений и структурные семантические поля / Ю. Д. Апресян. – М., 1962. – Вып. 5. – С. 52-72.

45. Апресян, Ю. Д. Избранные труды. Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография / Ю. Д. Апресян. – М. : Языки русской культуры, 1995. – С. 19.

46. Степанова, Г. В. Введение в семасиологию русского языка : учеб. пособие / Г. В. Степанова. – Калининград : КГУ, 1980. – 72 с.

47. Оранский, И. М. Введение в иранскую филологию / И. М. Оранский ; сост. И. М. Стеблин-Каменский ; отв. ред. А. Л. Грюнберг. – Изд. 2-е доп. – М. : Наука, 1988. – 388 с.

48. Пригарина, Н. И. Образное содержание бейта в поэзии на персидском языке / Н. И. Пригарина // Восточная поэтика: специфика художественного образа : сб. ст. / отв. ред. П. А. Гринцер. – М., 1983. – С. 89-108.

49. Реформатский, А. А. Термин как член лексической системы языка / А. А. Реформатский // Проблемы структурной лингвистики. – М., 1968. – С. 103-125.

50. Соссюр, Ф. де. Труды по языкознанию / Ф. де Соссюр. – М., 1977. – С. 107.

51. Щур, Г. С. Теории поля в лингвистике / Г. С. Щур. – М. : Наука, 1974. – 255 с.

52. Ульман, С. Дескриптивная семантика и лингвистическая типология / С. Ульман // Новое в лингвистике / сост. В. А. Звегинцев. – М., 1962. – Вып. 2. – С. 17-44.

53. Пешковский, А. М. Избранные труды / А. М. Пешковский. – М. : Просвещение, 1959. – 251 с.

54. Шахматов, А. А. Синтаксис русского языка : пособие для студентов вузов / А. А. Шахматов. – Л. : Учпедгиз, 1941. – 620 с.

55. Леонтьев, А. А. Проблемы развития психики / А. А. Леонтьев // Психолингвистика в очерках и извлечениях : хрестоматия для студентов вузов / авт.-сост. А. П. Кирьянов [и др.]. – М., 2003. – С. 297-302.

56. Залевская, А. А. Введение в психолингвистику : учеб. для студентов вузов / А. А. Залевская. – М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1999. – 384 с.

57. Роммтейт, Р. Слова, значения и сообщения / Р. Роммтейт // Психолингвистика за рубежом : сб. ст. / отв. ред. А. А. Леонтьев, П. В. Сахарный. – М., 1972. – С. 53-87.

58. Чанышева, З. З. Сопоставительный анализ лексикографической интерпретации коннотаций зоонимов с антропологической семантикой / З. З. Чанышева, Р. К. Асабин // Вестник Башкирского государственного университета. – 2009. – Т. 14, № 4. – С. 1458-1460.

59. Гришаева, Л. И. Введение в теорию межкультурной коммуникации : учеб. пособие для студентов вузов / Л. И. Гришаева, Л. В. Цурикова. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 2004. – 336 с.

60. Стернин, И. А. Концепт и значение / И. А. Стернин. – URL: http://sternin.adeptis.ru/articles2_rus.html#a#a (дата обращения: 10.10.2010). – Текст : электронный.

61. Шведова, Н. Ю. Парадигматика простого предложения в современном русском языке (опыт типологии) / Н. Ю. Шведова // Русский язык. Грамматические исследования : сб. ст. / отв. ред. Д. Н. Шмелев. – М., 1967. – С. 3-77.

62. Москальская, О. И. Проблемы системного описания синтаксиса (на материале немецкого языка) : учеб. пособие для пед. ин-тов / О. И. Москальская. – М. : Высшая школа, 1974. – 175 с.

63. Панфилов, В. З. Философские проблемы языкознания: гносеологический аспект / В. З. Панфилов ; отв. ред. Ф. П. Филин. – М. : Наука, 1977. – 286 с.

64. Распопов, И. П. Несколько замечаний о синтаксической парадигматике / И. П. Распопов // Вопросы языкознания. – 1969. – № 4. – С. 92-100.

65. Посох, А. В. Компонентный анализ семантики / А. В. Посох // Методы изучения лексики / под ред. А. Е. Супруна. – Минск, 1975. – С. 38-47.

66. Улько, В. Ф. Опыт компонентного анализа семантической структуры прилагательных, обозначающих слабость (на примере прилагательных английского языка) / В. Ф. Улько // Научные труды Кубанского университета. – Краснодар, 1976. – Вып. 214: Английская филология. – С. 57-64.

67. Буслаев, Д. А. Опыт компонентного анализа существительных, обозначающих эмоции в английском языке / Д. А. Буслаев // Вопросы филологии и методики преподавания германских и романских языков / отв. ред. Г. Е. Ведель. – Воронеж, 1972. – Вып. 4. – С. 98-117.

68. Алефиренко, Н. Ф. Когнитивно-семиологическая теория слова / Н. Ф. Алефиренко // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. – 2006. – № 5 (45). – С. 102-110.

69. Берестнев, Г. И. К философии слова: (лингвокультурологический аспект) / Г. И. Берестнев // Вопросы языкознания. – 2008. – № 1. – С. 37-65.

70. Васильев, С. А. Философский анализ гипотезы лингвистической относительности / С. А. Васильев. – Киев : Наукова думка, 1974. – 195 с.

71. Пахомова, И. Н. Коннотация и лексическая семантика слова : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Пахомова И. Н. ; Тамбов. гос. ун-т им. Г.Р. Державина. – Тамбов, 2009. – 21 с.

72. Ревзина, О. Г. О понятии коннотации / О. Г. Ревзина // Языковая система и ее развитие во времени и пространстве : сб. науч. ст. к 80-летию К.В. Горшковой / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова ; сост. Е. А. Голинская, Е. В. Клобукова. – М., 2001. – С. 436-446.

73. Шаховский, В. И. Эмотивная семантика слова как коммуникативная сущность / В. И. Шаховский // Коммуникативные аспекты значения : межвуз. сб. науч. работ / Волгоград. гос. пед. ин-т им. А.С. Серафимовича ; отв. ред. В. И. Шаховский. – Волгоград, 1990. – С. 65-75.

74. Адмони, В. Г. Основы теории грамматики / Г. В. Адмони. – М. : Наука, 1964. – 108 с.

75. Ломтев, Т. П. Принципы выделения дифференциальных семантических элементов / Т. П. Ломтев // Общее и русское языкознание : изб. работы. – М., 1976. – С. 272-288.

76. Есперсен, О. Философия грамматики / О. Есперсен ; пер. с англ. В. В. Пасека. – М. : Иноиздат, 1958. – 408 с.

77. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист ; пер. с фр. Ю. Н. Караулова [и др.]. – М. : Прогресс, 1974. – 448 с.

78. Rastier, F. Semantique interpretative / F. Rastier. – Paris : Presse University de France, 1987. – 277 p.

Научное издание

Тиллоева Саодат Махмаддуловна

**ПОНЯТИЙНЫЙ АСПЕКТ СТРУКТУРЫ
СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ**

Уральский государственный педагогический университет.
620017 Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26.
E-mail: uspu@uspu.me